

И. В. ГОЛОЛОВОВ

Институт философии
Москва

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЭРНЕСТО ЛАКЛАУ: ВВЕДЕНИЕ¹

Российская культура склонна к разного рода "взрывам" и радикальным переходам к новым социальным и культурным порядкам. Старые при этом "разрушаются до основания" и либо забываются, либо полностью дискредитируются поколениями "пламенных революционеров" и "молодых реформаторов". Нечто похожее сейчас переживает российская гуманитарная наука в отношении оценки творческого наследия марксизма и целого ряда научных школ, порождённых этим направлением социальной мысли. В настоящее время в среде научной интеллигенции при слове "марксизм", в любых его сочетаниях, возникает либо его агрессивное неприятие, вызванное ассоциациями с некогда тоталитарной "догматикой", либо ностальгические привязанности к бывшей ещё недавно "единственно верной" теории общественного развития. Между тем, и яростные критики, и убеждённые защитники основных положений философии марксизма демонстрируют одинаково явное не критическое отношение к работам немецкого философа. В результате, сама тема марксистского наследия в современной научной мысли становится весьма "неудобной", так как исследователю рано или поздно приходится позиционировать себя в спектре этих, в целом, достаточно ненаучных дискуссий "за" или "против"². Помимо непосредственного ущерба научным дебатам, вызванного "табуированием" критического осмысления собственно работ Маркса, данная проблема отсекает для российских учёных целый ряд научных дискуссий, развернувшихся в спектре так называемого "пост-марксизма", поскольку понятно, что изучение "пост-" без знания того, чем являлась собственно оригинальная теоретическая субстанция, не представляется серьёзным предприятием. Попытка преодоления этого ограничения на примере обзора одной из западных гуманитарных научных школ пост-марксистского направления и предпринимается в данной работе.

В СОВРЕМЕННОЙ западноевропейской социальной мысли теория политического дискурса, родившаяся на стыке "классического" пост-марксизма Антонио Грамши и Луиса Альтусера, с одной стороны, и разного рода пост-структурализма, - с другой, представленная в работах Эрнесто Лаклау и Шантал Муфф, занимает видное место. Достаточно взглянуть на некоторые обзоры, где взгляды этих двух учёных представлены наряду со ставшими уже классическими концепциями дискурса Фердинанда де Соссюра, Жака Деррида, Мишеля Фуко, а также наряду с теорией идеологии и её роли в социальном развитии, представленной в трудах Грамши, Альтусера и других известных теоретиков³.

Разработанная в 80-х и 90-х годах XX века теория дискурса Лаклау и Муфф послужила толчком в развёртывании целого ряда эмпирических исследований, представляющих социальный процесс в терминах дискурсивного развития. Достаточно упомянуть исследования южноафриканского апартеида Алетты Норвал⁴, изучение идеологии кемализма в Турции⁵ и "зелёного" движения в Великобритании⁶, работы по истории политического развития Аргентины⁷ и исследования социального конфликта в Северной Ирландии⁸ и др.

Кроме того, научная дискуссия, инициированная Лаклау и Муфф, нашла поддержку в широких научных кругах Западной Европы, причисляющих себя к так называемой "левой" мысли. Среди постоянных партнёров-оппонентов Лаклау

и Муфф можно увидеть Славоя Жижека, Джудит Баттлер и др.⁹ В Центре Теоретических Исследований Университета Эссекса, где более 20 лет проработал Эрнесто Лаклау и где произошла институционализация его научной теории, с лекциями в разное время выступали Жак Деррида, Юрген Хабермас, Фред Даллмайр, Этьен Балибар, Алан Бадью и другие видные социальные мыслители современности.

К сожалению, в России труды Лаклау и Муфф практически не известны не только широкому читателю, но и многим специалистам, работающим в области изучения идеологии и политического дискурса. На сегодняшний день не существует ни одного перевода их работ на русский язык¹⁰, и реплика Александра Бренера и Барбары Шульц, укоряющих нынешнюю российскую научную интеллигенцию в ужасающем незнании современной "левой" мысли Запада, видимо, имеет под собой достаточно веские основания¹¹.

В связи с этим возникает необходимость хотя бы краткого представления теории дискурса Лаклау и Муфф, которая поможет российскому читателю сориентироваться в основных теоретических компонентах их исследовательского подхода и послужит в некотором роде введением к переводам их работ на русский язык, которые, надеемся, не заставят себя долго ждать.

Основные положения теории дискурса изложены в работе Лаклау и Муфф "Гегемония и социалистическая стратегия: К радикальной демократической политике"¹², вышедшей впервые в 1985 году и на сегодняшний момент выдержавшей уже более 10 переизданий. Помимо этого, Лаклау конкретизирует основные моменты своей теории в работе "Новое осмысление революции нашего времени"¹³ и сборнике статей "Освобождение(я)"¹⁴, вышедшем в 1996 году, а также в диалогах "Универсальность, гегемония, идентичность"¹⁵. На анализе именно этих работ и будет строиться наш обзор¹⁶.

Лаклау и Муфф определяют дискурс как поле осмысленности, как область, где образуются смыслы и значения. Подобное определение, тем не менее, не апеллирует к натуралистической оппозиции "природа-мысль" поскольку считается, что смысл как таковой необходимо предполагает участие обоих элементов данной дихотомии. Лаклау и Муфф пишут:

Тот факт, что каждый объект конституирован как объект дискурса, не имеет ничего общего с вопросом о существовании мира внешнего по отношению к мысли или с оппозицией реализм/идеализм. Землетрясение или падение

кирпича - это события, которые реально существуют, в том смысле, что они случаются здесь и сейчас независимо от моей воли. Но вопрос, насколько они получают свою специфику как объекты, определённые в терминах "природного явления" или "выражения гнева Господнего", зависит от организации дискурсивного поля. Что отрицается, так это не то, что объекты существуют внешне по отношению к мысли, но совершенно иное - то, что они могут конституировать себя как объекты вне любого дискурсивного условия своего проявления¹⁷.

Как результат преодоления оппозиции между "миром реальности" и "миром мысли" дискурс перестаёт определяться через функцию медиатора между разумом и внешним миром, а становится областью - первичной к определению идентичности последних. Иными словами, дискурс становится единственной реальностью, доступной для изучения. Радикализируя Лаклау и Муфф можно сказать, что объектов вне дискурса вообще не существует. Они могут существовать как физические или энергетические субстанции, но осмыслить их как то, чем они являются, представить их как объект возможно только в рамках определённого дискурса. Любой объект, идентифицированный в поле социального (будь то социальные идентичности, общественные системы, культурные ценности, практики повседневной жизни, ритуала и проявления некоторой политической воли и т.д.), является тем, что он есть, только благодаря конкретной конфигурации дискурсивного поля, определяющего смысловую наполненность объекта.

Данная социальная "топография" дискурса ведёт к неприятию любых форм эссенциализма и редукционизма, выражающихся в сведении социальных практик к закономерностям экономического, этнического или макро-исторического процессов.

С другой стороны, Лаклау и Муфф также не приемлют "социологической" и "исторической дескриптивистики", вырывающих социальные процессы вообще из всяких теоретических рамок и представляющих их как относительно хаотичный набор практик, ведомых преимущественно усилением индивидуальной воли исторических деятелей. Установлению закономерностей развития нередуцируемой области осмысленности и выявлению регулярностей смыслопорождения и посвящены основные теоретические работы Лаклау и Муфф.

Лаклау и Муфф принимают структуралистскую посылку о том, что смысл возникает как результат действия так называемой *логики разли-*

чия (logic of difference), определяющей идентичность основных составляющих осмысленности - *означающего* (signifier), того, что обладает смыслом, и *означаемого* (signified) - собственно самого смысла. В этом моменте Лаклау и Муфф опираются на классическую теорию языка Соссюра, где основным элементом языка как раз признается *знак* (sign), понимаемый как единство означающего и означаемого. Означающие в виде образов и означаемые в виде концептов не являются априорно связанными друг с другом. Их единство конвенционально (arbitrary). Конвенционализация знаков подчиняется законам системной организации, где каждый конкретный знак получает свою идентичность только в системе других знаков. Так, например, мы знаем, что такое "мать", поскольку мы знаем, что такое "отец", "сын", "дядя" и т.д. Более того, дифференциальная позиция знака в некоторой системе является ключевым фактором определения его идентичности. Играя в шахматы, мы можем заменить ферзя чашкой кофе или куском бумаги, и при этом его функциональная значимость никак не пострадает, поскольку идентичность "не-король", "не-слон", "не-пешка" и т.д. остаётся невредимой.

Помимо логики различия, определяющей дифференциальную позицию системного элемента, процесс смыслопорождения нуждается в наличии *логики эквивалентности* (logic of equivalence), определяющей идентичность конкретной системы (в рамках которой происходит конвенционализация знака) и её границы. Действительно, для того, чтобы понять, что чашка кофе на самом деле является фигурой шахматной игры, которая ходит по правилам ферзя, мы должны ограничить идентичность этой чашки системой шахматных фигур, которая будет отграничена от системы, допустим, застольного этикета, где чашкой кофе не ходят по шахматной доске, а подносят гостям после десерта.

Активация конкретной системы смыслопорождения, заставляющей рассматривать, допустим, землетрясение либо в качестве "природного феномена", либо в качестве "наказания Господня" и является основным вопросом теории Лаклау и Муфф. Фактически они считают это основным предметом своей социальной теории, поскольку именно специфическое осмысление социальных идентичностей как классов, наций, конфессиональных, лингвистических и других групп и установление определённой системы их отношений является движущей силой всего исторического процесса.

Дискурсивная система обретает свою идентичность путём отграничения от другой дискурсив-

ной системы. Поскольку дискурс признаётся единственно доступной областью реальности, ни с чем другим дискурсивная система ограничить не может в принципе. Более того, система должна описывать свою границу и называть Другое внутрисистемными способами. Иначе, если мы признаём наличие неких объективных границ, мы признаём редукцию дискурсивного поля к иной трансцендентной объективирующей области, устанавливающей эту границу, что в рамках анти-эссенциалистской направленности подхода Лаклау и Муфф недопустимо.

Описание собственной идентичности системы происходит через описание эквивалентности дифференциальных элементов, включённых в неё. Так, например, система шахматных фигур работает как система различий только тогда, когда все фигуры помимо логики различия между собой определяются ещё и в логике сходства как "шахматы". "Шахматы" здесь выступает как *узловая точка* (point de capiton - концепция, предложенная Жаком Лаканом), которая частично фиксирует осмысленность элементов, входящих в систему, называя последнюю.

Узловая точка, представляющая определённую систему смыслообразования, отличается от других элементов, входящих в систему по характеру своей знаковости. Лаклау настаивает, что способность знака представлять систему различий других знаков зависит напрямую от способности первого освободиться от своего обозначающего и выступить как *пустое означающее* (empty signifier) - термин, разработанный и введённый в широкий научный оборот Лаклау¹⁸.

Пустое означающее понимается, строго говоря, как означающее отсутствия, образ без внятного референта. Для того, чтобы продемонстрировать парадоксальную логику функционирования данного элемента, Лаклау прибегает к примеру из математики, разработанному Блезом Паскалем и позднее Бертраном Расселом¹⁹.

Что такое ряд натуральных чисел? Это система, где каждый последующий элемент определяется в некоторой логике отношения с предыдущим, а именно - он больше его на 1. Однако, как определяется начальный элемент этой системы? Это 0, который буквально означает отсутствие единицы и по факту референции к отсутствию натурального числа противопоставляется всем остальным числам ряда. Данное противопоставление наглядно видно на примере свойств нуля в математических операциях, кардинальным образом отличающихся от свойств цифр, означающих присутствие чисел, как 2,3,4 и т.д. Здесь имеются в виду правила деления и умножения на ноль.

В области гуманитарных наук примером такого пустого образа Лаклау называет термин Гоббса "порядок", когда тот описывает тотальный хаос. Действительно, в работах Гоббса порядок не есть субстанционально определённый термин, это скорее "анти-хаос", "не-хаос", "отсутствие хаоса".

"Освобождение" от означаемого, "опустошение" и последующее наполнение означаемого определённым смыслом, активирующим конкретную систему смыслопорождения, и считается основной дискурсивной практикой. Лаклау терминологизирует данную практику как *артикуляцию*, которая буквально определяется как выбор, опустошение и наполнение узловых точек.

Артикуляция узловых точек происходит в условиях наличия Другого, по отношению к которому определяется данная система. Существование системы с Другим рассматривается Лаклау как состояние *антагонизма*, где наличие оппонирующей системы мешает достичь полной организации системы самоопределяющейся. Состоянием антагонизма допустимо охарактеризовать возможность одновременного использования кофейной чашки как элемента кухонного гарнитура и как шахматной фигуры, - пока существует система кухонного гарнитура, кофейная чашка никогда не сможет стать "полноправной" шахматной фигурой. Лаклау определяет антагонизм как логическое противоречие, где присутствие одного актора является препятствием для достижения полной идентичности другого.

Исследования антагонизмов широко представлены в исторической и социологической литературе. В спектре от марксизма до различных форм "теории конфликта" предложен целый ряд объяснений того, как и почему в обществе возникают антагонизмы. Тем не менее, это теоретическое многообразие сходится в одном общем моменте: центром дискуссий почти исключительно является описание антагонизмов и их происхождения. Лишь изредка предпринимаются попытки затронуть сущность нашей проблемы: что такое антагонистическое отношение? Какой тип отношения между объектами предполагает антагонизм? Позвольте обратить внимание на одну из дискуссий, [...] а именно, на дискуссию, инициированную анализом специфики социального антагонизма Люцио Колетти и его вопросом о том, какая из двух категорий - "реальная оппозиция" и "противоречие" позволяет определить специфику [антагонизма]²⁰.

Колетти начинает с Кантовского различия между реальной оппозицией (*Realrepugnanz*) и логическим противоречием. Первое соответствует принципу несовместимости (диамет-

ральной противоположности - *contrariety*) и отвечает формуле "А - В", каждый из терминов которой обладает своей собственной позитивностью, не зависящей от их отношения друг с другом. Второе является категорией противоречия и отвечает формуле "А - не-А", где отношение одного термина с другим опустошает реальность обоих. [Логическое] противоречие возникает на основе того положения, что вовлечение в него возможно лишь на логико-концептуальном уровне. Первый тип оппозиции возникает, напротив, в области реальных объектов, так как никакой объект, являющийся реальным, не может опустошить свою идентичность в противопоставлении к другому объекту; он обладает своей собственной реальностью, не зависящей от этой оппозиции²¹.

Говоря о конкретных исторических событиях, Лаклау берёт в качестве примера крестьянские войны, рассматриваемые с позиций "реальной оппозиции" крестьянства и землевладельцев - конфликта независимых объектов, обладающих своей собственной завершённой идентичностью. Лаклау пишет, что, на его взгляд, описываемый конфликт между крестьянством и землевладельцами в средневековой Европе происходит именно из-за того, что последние являлись непреодолимым препятствием для достижения своей идентичности крестьянством. Буквально, из-за социального присутствия землевладельцев определённого толка крестьяне не могли стать крестьянами в том виде, в каком они себе это представляли²².

В условиях логического противоречия с Другим, выраженных в конфигурации антагонистических отношений, системе необходимо представить себя посредством своих собственных элементов. Представление должно осуществляться посредством внутренних элементов системы, иначе система перестанет быть системой, а станет недискретным элементом другой системы, "описывающей" её. Подобное представление системы её элементом возможно. Трансформация дифференциального сегмента структуры в позицию узловой точки, сопровождающаяся опустошением его содержания и переосмыслением его идентичности, что считается ключевой дискурсивной практикой, предоставляет такую возможность. Лаклау называет этот процесс *гегемонией*.

Отношения, где конкретное (particular) содержание становится означаемым отсутствием общей завершённости (communitarian fullness) - это именно то, что мы называем отношениями гегемонии²³.

Для Ленина, первого серьёзного теоретика гегемонии, рабочий класс (конкретный, партикулярный сегмент социальной системы) мог выражать интересы всего общества и таким образом задавать обществу структурную ясность. Для Грамши этим выразителем общественной системы мог быть не обязательно класс, но, в принципе, любая социальная группа, которая может переступить через свои партикулярные интересы и артикулировать общие социальные требования перед лицом социального оппонента. Лаклау считает, что логика гегемонии является неотъемлемым элементом становления любой системы.

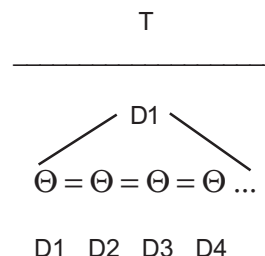
Логика гегемонических отношений представляется Лаклау в следующем виде:

(а) В ситуации крайнего угнетения - царистского режима, например, рабочие начинают бастовать, требуя большей заработной платы. Это требование партикулярное, но в контексте угнетающего режима оно начинает рассматриваться как антисистемная активность. Таким образом, смысл этого требования оказывается разделённым между его собственной партикулярностью и более универсальным измерением.

(б) Именно это более универсальное измерение может породить борьбу за различные требования других секторов - студентов за ослабление образовательной дисциплины, либеральных политиков за свободу прессы и так далее. Каждое из этих требований в своей партикулярности не связано с другими; что их объединяет - это то, что они организуют между собой цепь эквивалентности постольку, поскольку они несут анти-системный смысл. Присутствие фронта, разделяющего угнетающий режим и остальное общество, является самим условием универсализации требований через их эквивалентность (по Марксу: социальный сектор должен стать общим "нарушителем спокойствия" ('crime') для того, чтобы ориентиры общества были сформированы как целое).

(в) Однако более обширной является цепь эквивалентностей, - больше и больше ощущается необходимость представления этой цепи как целого, в то время как единственно доступным средством репрезентации является набор партикулярностей. Таким образом, один из них должен принять на себя роль репрезентации цепи как целого. Это является строго гегемоническим переходом (hegemonic move): партикулярная сущность (the body of particularity) принимает функции универсальной репрезентации.

Мы можем представить систему подобных отношений в виде следующей диаграммы:

Где *T* в нашем примере обозначает царизм (Tsarism); горизонтальная черта обозначает фронт, отделяющий угнетающий режим от остального общества, окружности *D1* ... *D4* обозначают партикулярные требования, разделённые на нижний полукруг, представляющий партикулярность требования [идентичность требований в логике различия - И. Г.] и верхнюю часть окружности, представляющей его анти-системный смысл, то, что делает отношения эквивалентности возможными. Наконец, *D1* над эквивалентными окружностями обозначает общую эквивалентность (это часть эквивалентной цепи, которая одновременно находится над ней)²⁴.

Способность преодоления партикулярности объекта и перевод его в состояние универсальной репрезентации, осуществляемое посредством опустошения и последующего наполнения означющего, рассматривается Лаклау как сущностно субъектная практика. Если и есть возможность говорить о субъекте социальных процессов, то эта субъективность рождается в момент эмансипации себя-как-объекта из состояния дифференциальной дискурсивной позиции (субъект-позиции) в состояние выразителя всей системности целиком.

Подводя предварительный итог краткого представления логики организации смыслового поля, можно выделить следующие основные моменты, конституирующие теорию дискурса Лаклау и Муффа.

Первый состоит в том, что дискурсивная система не статична, т.к. находится в постоянном контакте с другими дискурсивными системами, которые, с одной стороны, задают своим присутствием необходимую структуре ограниченность, а с другой, - вторгаются в системную организацию логическим противоречием и, таким образом, постепенно разрушают её. Это - теория "открытого" дискурса.

Второй момент, определяющий специфику теории политического дискурса Лакла заключается в осмыслении разрушения системности смыслонаделения - момента *дис-локации* (dislocation), который ведёт к установлению новых смысловых связей, выстраивающихся через "эмансипацию" партикулярных элементов и артикуляции их новых значений. Динамика дискурса, его принципиальная незавершённость и подвижность - ключевые особенности дискурсивной теории Лаклау и Муфф, определяющие также и основной объект эмпирического изучения - артикуляционные практики, циркулирующие в обществе и отражающие состояние смыслового поля.

Именно этот акцент на динамичности социальной системы, на её постоянное движение ведёт Лаклау к формированию яркой концепции "невозможности общества" как такового. Представляя социальное прежде всего как проект - "тщетная попытка учредить невозможный объект: общество"²⁵, Лаклау полагает, что постоянная и никогда не заканчивающаяся дискурсивная динамика порождения новых объектов и растворения существующих ведёт к невозможности пространственной фиксации какого-либо "общества".

Помимо инноваций в области методологии дискурсивного анализа и социальной теории, Лаклау и Муфф предлагают и практические исследования современного состояния общества. В данном обзоре мы позволим себе кратко представить две темы актуальной социальной критики, разработанной этими теоретиками.

Сформировавшаяся к концу 90-х годов XX века теория мультикультурализма стала выступать как идеологический базис развития многокультурного общества. Сформировалась она преимущественно в оппозиции идеологиям тоталитарных, как предполагалось, "монокультурных" режимов. В рамках философии мультикультурализма основным ориентиром общественной деятельности признаётся развитие уникальности сегментов многокультурного общества, защита их прав и пропаганда их "партикулярности"²⁶.

Лаклау оспаривает саму возможность построения многокультурного общества через развиваемую мультикультуралистами дискуссию в защиту политики культурного различия, или, как он её называет, "политики простого различия". Используя свои теоретические разработки, Лаклау показывает, что без установления эквивалентного измерения партикулярных социальных секторов, т.е. того, что обычно упускается (если не отвергается) мультикультуралистами, никакое культурное многообразие невозможно, так как

цепочка различий потеряет свою системность и её элементы рано или поздно будут включены в смысловые отношения других структур. В этом случае объект мультикультурализма - некое общество, которое, как предполагается, должно стать мультикультурным, перестанет существовать как таковое, как актуальная социальная реальность²⁷.

Лаклау также активно критикует либеральные теории демократии²⁸ в их моменте признания возможности создания "без-антагонистического" общества, регулируемого только балансом партикулярных отношений его конкретных секторов. В своей "Гегемонии и социалистической стратегии" Лаклау и Муфф показывают, что это глубоко утопическое убеждение, которое ведёт к процессу, скорее, обратному демократии.

В отсутствии внятной границы, отделяющей "своё" от "чужого", общество теряет собственную объективность, так как перестаёт работать в качестве единой системы, трансформируясь в множество систем, произведённых каждым из его сегментов²⁹. В ситуации "броуновского движения" разных моделей социальной организации единственно возможным регулирующим фактором становится сила, причём сила военная, а не сила политического убеждения. Планомерный крах правовой системы международных отношений начавшийся вскоре после окончания холодной войны и провозглашения "однополярного" мира, где есть только одна сверхдержава, одна система, не ограниченная другими социальными системами такого же масштаба, представляет собой нагляднейший пример этой утопии в действии.

В завершении обзора хотелось бы отметить, что теория Лаклау и Муфф, как и всякая другая, не всеобъемлюща и имеет свои пределы. Позволим себе лишь вкратце наметить основные направления возможной критики, детальная разработка которой, безусловно, требует отдельного исследования.

Дэвид Ховарт, анализируя современную критику выделяет следующие претензии к теории дискурса, предложенной Лаклау и Муфф. Обвинение в релятивизме; создании не методологии, а онтологии социального; скрытой референции к оппозиции идеализм-реализм; слабой релевантности анализу социальных институтов и т.д.³⁰ Во многом эта критика уже получила достаточно внятные ответы, и ввиду чрезвычайной важности и серьёзности этого вопроса мы позволим себе не останавливаться на нём подробно, а вынести его обсуждение в отдельную работу. Однако, на наш взгляд, теории дискурса Лаклау и Муфф можно

адресовать ещё ряд замечаний, которые до этого в комментариях и критике не звучали.

Первый момент, который вызывает некоторые сомнения, это - привилегия политического в социальном развитии. Вслед за Грамши, Лаклау признаёт гегемонию принципиально политической практикой, выходящей за рамки культурных отношений. Действительно, легитимация гегемонического репрезентирования, согласно и Грамши, и Лаклау, осуществляется на уровне политических дебатов. Однако возникает неясность: если организация дискурсивного поля, концентрирующаяся вокруг артикуляции узловых точек, в принципе, представляется универсальной, иными словами - свойственной любому коллективу, то, что делать с так называемыми традиционными обществами, которые принципиально признаются неполитическими?

Второй вопрос несколько более специальный. Лаклау признаёт антагонизм и логическое противоречие неотъемлемыми признаками организации системы. Однако, если дискурсивная организация признаётся основной определяющей инстанцией объектов и их отношений, то почему бы дискурсу не провести границу с другим дискурсом на без-антагонистической основе? Остаётся неясным, почему два дискурса должны обя-

зательно находиться в состоянии антагонизма, а не, скажем, в состоянии перевода, как об этом пишет Лотман?³¹

Несмотря на достаточно явные пределы теоретического экскурса Лаклау (выше выделены лишь некоторые проблемы, занимавшие автора данной работы в момент написания текста) сама теория оказывается необычайно продуктивной при анализе процессов политической борьбы, формирования политических идеологий и складывания социальных идентичностей. Обозначение её границ лишь задаёт достаточно стройную систематичность осмысления социального. Надеемся, что вопросы, которые неизбежно возникают к пост-марксистской интерпретации теории дискурса, лишь более отчётливо представят эмпирические рамки применения этой концепции, что не позволит самой теории раствориться в беспорядочном движении теряющих свою объективность идей и концепций общественного развития. Хочется верить, что краткость и большая степень условности представленного введения в теорию политического дискурса – одного из самых ярких представителей современной пост-марксистской социальной мысли окажутся своеобразными катализаторами, стимулирующими последующее критическое осмысление "левой" социальной теории в России.

Примечания

- ¹ Автор выражает признательность Александру Мануйлову за критику и ценные комментарии, высказанные в процессе работы над текстом. Частично тезисы данной работы прозвучали в докладе "Социальная организация в условиях отсутствующего общества", зачитанного на 2-й конференции Социальная организация и обычное право, проведённой краснодарским Центром Антропологических Исследований 22-24 сентября 2001 г.
- ² Это характерно для многих современных исследований марксизма, которые, в общем, выстроены в терминах "прав - не прав". Как пример таких работ см.: В. Радаев. В борьбе двух утопий // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 31-39.
- ³ D. Howarth. *Discourse*. Buckingham: Open University Press, 2001; J. Torfing. *New Theories of Discourse*. Oxford: Basil Blackwell, 1999; A.-M. Smith. *Laclau and Mouffe*. London: Routledge, 1998.
- ⁴ A. Norval. *Deconstructing Apartheid Discourse*. London: Verso, 1996.
- ⁵ Nur Betul Celik. The construction and dissolution of the Kemalist imaginary. In: *Discourse Theory and Political Analysis: Identities, Hegemonies and Social Change I* Eds. David Howarth, Aletta J. Norval and Yannis Stavrakakis. Manchester: Manchester University Press, 2000. P. 193-205.
- ⁶ Ya. Stavrakakis. On the emergence of Green ideology: The dislocation factor in green politics. In: *Discourse Theory and Political Analysis*. P. 100-119.
- ⁷ S. Barros and G. Castagnola. The political frontiers of the social: Argentine politics after Peronist populism. In: *Discourse Theory and Political Analysis*. P. 24-38.

- ⁸ A. M. Closhey. Provisionalism and the (im)possibility of justice in Northern Ireland. In: *Discourse Theory and Political Analysis*. P. 70-86.
- ⁹ J. Buttler, E. Laclau and S. Žižek. *Hegemony. Contingency. Universality: Contemporary Dialogues on the Left*. London: Verso, 1999.
- ¹⁰ Лишь в последнее время появился перевод Артёма Смирнова небольшой, но исключительно важной работы Лаклау "Невозможность общества", опубликованный пока только в интернете. См. http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_14.htm (Немногие ссылки на работы Лаклау в России упорно именуют автора как *Лакло*, что неверно, и в английском и в испанском - родном языке Эрнесто, его фамилия произносится как *Лаклау*).
- ¹¹ См. открытое письмо Александра Бренера и Барбары Шульц "Маленькое письмо о большой «левой идее»", опубликованное в Литературно-философском журнале "Логос", № 1 за 2001 г. (<http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_1/2001_1_11.htm>).
- ¹² E. Laclau and Ch. Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 1985.
- ¹³ E. Laclau. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London: Verso, 1990.
- ¹⁴ E. Laclau. *Emancipation(s)*. London: Verso, 1996.
- ¹⁵ J. Buttler, E. Laclau and S. Žižek, *Hegemony. Contingency. Universality*.
- ¹⁶ Помимо перечисленных работ, обзор использует материалы лекций и семинаров, проведенных Лаклау на Программе изучения идеологии и дискурсивного анализа в Университете Эссекса в 2000-2002 гг., а также личных

бесед с Эрнесто, состоявшихся в период обучения автора в аспирантуре Факультета политических наук (Department of Government) Эссекского университета.

¹⁷ E. Laclau and Ch. Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy*. P. 108.

¹⁸ Нечто подобное описывал Деррида в своём "Эссе Номо" как "Хора" (см. J. Derrida, *On the Name*, Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1995. P. 150), однако терминологическую завершённость этому дискурсивному феномену придал именно Лаклау.

¹⁹ E. Laclau. The Politics of Rhetoric. In: *Essex Papers in Politics and Government: Sub-Series in Ideology and Discourse Analysis*, Department of Government. Essex, 1998. P. 3-6. Здесь Лаклау цитирует по работе Поля де Мана (P. de Man. Pascal's Allegory of Persuasion. In: *Aesthetic Ideology*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 51-69).

²⁰ Авторы ссылаются на работы Л. Коллетти "Marxism and the Dialectic" опубликованную в *New Left Review*, сентябрь-октябрь 1975, №. 93, P. 3-29; и "Tramonto dell'ideologia".

²¹ E. Laclau, Ch. Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy*. P. 124-125.

²² Ibid. P. 125.

²³ E. Laclau. Why Do Empty Signifier Matter to Politics? In: E. Laclau. *Emancipation(s)*. P. 36-46, 43.

²⁴ E. Laclau. Constructing Universality. In: J. Butler, E. Laclau and S. Žižek. *Hegemony. Contingency. Universality*. P. 281-308, 301-303.

²⁵ Эрнесто Лакло. Невозможность общества / пер. А. Смирнова http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_14.htm.

²⁶ См.: С. Taylor. *Multiculturalism and 'The Politics of Recognition'*. Princeton: Princeton University Press, 1992; I. Young. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 1990.

²⁷ E. Laclau. Subject of Politics, Politics of Subject. In: E. Laclau. *Emancipation(s)*. P. 47-65, 48-51.

²⁸ См. работы Д. Роулза, Р. Нозика, А. Макинтайра.

²⁹ E. Laclau and Ch. Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy*. P. 149-193.

³⁰ D. Howarth. *Discourse*. P. 111-125.

³¹ Ю. М. Лотман. Механизмы диалога // Ю. М. Лотман. Семиосфера. СПб: Искусство - СПб. 2001. С. 268-276.

Ivan GOLOBOV

THE THEORY OF POLITICAL DISCOURSE OF ERNESTO LACLAU: CONCISE INTRODUCTION

The paper aims at acquainting the Russian reader with the theory of political discourse developed by Ernesto Laclau. Due to the post-Soviet ideological reaction the very term Marxism in its various connotation became a highly uncritical concept in Russian social discussions. Along with this reaction numerous social debates held within the left wing of social theorists in the West passed by the majority of debates in Russian social sciences. In response to this gap the author who is a doctorate student at the Ideology and Discourse Analysis Programme at the University of Essex - the institutional 'platform' of Laclau's discourse studies, makes a brief introduction of main conceptual components, theoretical context, actual research implications and contemporary critics of the social theory elaborated by one of the most interesting representatives of contemporary European post-Marxism.

